

Джеральд Даррелл

ОСЛОКРАДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Наши любимые книжки

Джеральд Даррелл

Ослокрады

«Азбука-Аттикус»

1968

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Ослокрады / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус», 1968 — (Наши любимые книжки)

ISBN 978-5-389-15636-4

Беззаботные каникулы Аманды и Дэвида на солнечном греческом острове Мелисса омрачены бедой, приключившейся с их закадычным другом Яни. После смерти отца мальчик неожиданно для себя оказался в должниках у коварного мэра, который грозитя отобрать единственное достояние Яни – крохотный домик с клочком земли, если не получит всю сумму долга в ближайшее время. И тогда друзья разрабатывают дерзкий план, который поможет Яни сохранить свое наследство. Сонный островок, затерянный в Ионическом море, давно не переживал столь загадочных, мистических и даже государственных потрясений! Джеральд Даррелл – писатель, натуралист, знаменитый путешественник и создатель не менее знаменитого Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы – обладал неповторимым даром рассказчика и потрясающим чувством юмора. Его книги помогли миллионам детей и взрослых по всему свету по-новому взглянуть на мир живой природы и ощутить себя неотъемлемой ее частью.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15636-4

© Даррелл Д., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джеральд Даррелл

Ослокрады

Gerald Durrell
THE DONKEY RUSTLERS

Copyright © Gerald Durrell, 1968

This edition is published by the arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency.
All rights reserved

© Gerald Durrell, 1968

© С. Лосев (наследник), перевод, 2018

© Е. Платонова, иллюстрации, 2018

© Издание на русском языке, оформление

* * *

Послание Фонда охраны дикой природы имени Даррелла

История Джеральда Даррелла не заканчивается этой книгой. То, о чем вы прочитали, для Даррелла стало толчком и стимулом к многолетней деятельности по сохранению удивительного разнообразия животного мира на нашей планете.

Джеральд Даррелл умер в 1995 году, но эта книга, а также и другие его произведения по-прежнему вдохновляют читателей с любовью и уважением относиться к «этому волшебному миру», как говорил Даррелл. А его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

На протяжении вот уже многих лет читателей Даррелла воодушевляют его опыт и видение мира, и у них возникает желание самим участвовать в работе фонда. Мы надеемся, что и вы испытаете сегодня те же чувства, ведь своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл бросает нам вызов. «Звери составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, – пишет он, – и выжить они могут только с нашей помощью».

Пожалуйста, не позволяйте своему интересу угаснуть после того, как вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем, как принять участие в нашей борьбе за спасение животных.

Чтобы получить дальнейшую информацию или отправить пожертвование, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust

Les Augrès Manor

Jersey, Channel Islands, JE3 5BP

UK

Website: www.durrell.org

Email: info@durrell.org

ОСЛОКРАДЫ

Глава первая

Мелисса

Остров Мелисса затерялся где-то в Ионическом море. Он до того крохотный и лежит так далеко от главных морских путей, что о его существовании знают лишь немногие. Зато жить на этом острове – блаженство: источники щедро поят его влагой, поэтому пышно разрослись на нем оливковые и кипарисовые рощи, а по весне его долины заливают аромат цветущего миндаля. Раз в год в порт Мелиссы заходит небольшое судно с туристами, которые, едва сойдя на берег, бросаются скупать фальшивые древнегреческие вазы, давно ставшие основным доходом здешних горшечников.

На острове живет небольшая колония иностранцев. Стоит упомянуть француза весьма преклонных лет, обитающего на удаленной вилле и редко показывающегося на публике. Поговаривали, что он приехал сюда залечивать раны от несчастной любви. Но, судя по количеству смазливых пухленьких крестьянок, нанятых им прислуживать на вилле, можно было подумать, что он занялся интенсивной терапией. Еще на Мелиссе проживают две почтенные английские леди, коротающие свой век, спасая бродячих котиков, занимаясь рукоделием и давая невероятно тяготящие уроки английского жителям Мелиссы.

Это, так сказать, постоянный контингент. Но в летние месяцы те немногие, кто знает о существовании Мелиссы и при этом достаточно благообразен, приезжают сюда, снимают покосившиеся виллы – и наслаждаются жизнью: загорают на солнышке, плещутся в теплой воде и с каждым годом все больше привязываются к этому острову и к его милым, добрым жителям. Впрочем, и в этом забытом Богом уголке земного шара может произойти что угодно вопреки всякой логике. И ведь происходит!

При всяком удобном и неудобном случае местные жители поминают святого Поликарпа. В 1230 году, когда этот святой странствовал по свету, его корабль сбился с курса и жгучим сирокко был прибит к берегам Мелиссы. Видимо, не во власти святого было смирение стихии, и святой Поликарп застрял на острове в ожидании, пока ветер уляжется сам. В благодарность за гостеприимство святой вознаградил островитян парой стоптанных туфель. Очарованные сим несказанно щедрым жестом, мелисситы немедленно нарекли Поликарпа святым покровителем острова, а туфли, трепетно берегаемые в дарохранильнице, стали главным атрибутом всякой религиозной церемонии.

На севере острова расположилась деревушка под названием Каланеро. Ее домишки бегают по склонам холмов в плодородную долину, которая тянется до самого моря. Каждое утро порою за две-три мили местные жители спускаются туда на своих ишаках и возделывают поля. В самом центре деревни вот уже триста лет, если не более, высыхает под лучами солнца старинная венецианская вилла.

В течение многих лет обитатели Каланеро посматривали на виллу косо, потому что отдыхающие, приезжавшие сюда на лето, никогда не снимали ее. Жители других деревень могли похвастаться, что у них на виллах останавливаются чужестранцы, а жители Каланеро – нет. Но вот явилось семейство Зябликов.

Глава семейства, генерал-майор Зяблик, стал в глазах жителей Мелиссы воплощением всего, что, на их взгляд, означало «натуральный англичанин». Он был высокий, немного тучный и, где бы ни появлялся, выглядел хозяином. Но его внешность и манера держаться не мешали ему любить Мелиссу всем сердцем. К тому же он обладал редкостным – во всяком случае для англичанина – даром: говорил на всех языках. Я не могу сказать вам с ходу, сколько языков имеется в Европе, но какой ни возьми, на любом он говорил, как на родном. Было у него еще одно свойство: алюминиевая нога, которой он в минуты стресса отбивал дикие африканские ритмы.

Когда генерал-майор Зяблик открыл для себя виллу в Каланеро, местные жители были несказанно польщены. Еще бы: среди них поселился истинный англичанин, да еще свободно говорящий по-гречески, да еще наверняка боевой герой! Деревня раскололась на два лагеря. Одни считали, что он потерял ногу, когда в одиночку брал Рим, другие с пеной у рта доказывали, что это случилось, когда он голыми руками брал Берлин. (На самом деле он сломал ногу по пьяной лавочке, когда в гостях у своего старинного приятеля на Челси свалился в лестничный пролет, но этот факт тщательно скрывался от местных жителей.) Впрочем, более всего островитян подкупало его свободное владение греческим.

Генерал-майор имел единственное в жизни пристрастие – живопись. Но далеко ли уйдешь на искусственной ноге в поисках прекрасных видов! Вот, собственно, почему он без колебаний снял виллу в Каланеро: у нее была широкая терраса, с которой открывался пейзаж с кипарисами на фоне моря. С этой-то стратегической позиции он и любил писать. Каждый раз водружая свой мольберт на то же место, он малевал все тот же пейзаж с кипарисами, и всякий раз одинаково плохо. Он был убежден, что раз кипарисы так легко рисовать, то стоит добавить колорита – и выйдет не хуже, чем у любого мэтра из Королевской академии. С упорством, которое, я убежден, помогло ему стяжать столь высокий чин, он малевал картину за картиной – к своему удовлетворению и к восхищению местных жителей. Разумеется, мелисситы относились к его художествам с таким уважением, которое сделало бы честь самому Рембрандту.

Еще в почтенное семейство входила миссис Зяблик. Она проводила время, гуляя по окрестностям и собирая коллекцию диких цветов, или стряпала домочадцам еду, когда ей приходило это в голову. А еще в семье было двое детей – мальчик по имени Дэвид и девочка по имени Аманда. Они-то и стали героями нашей истории.

Глава вторая Прибытие

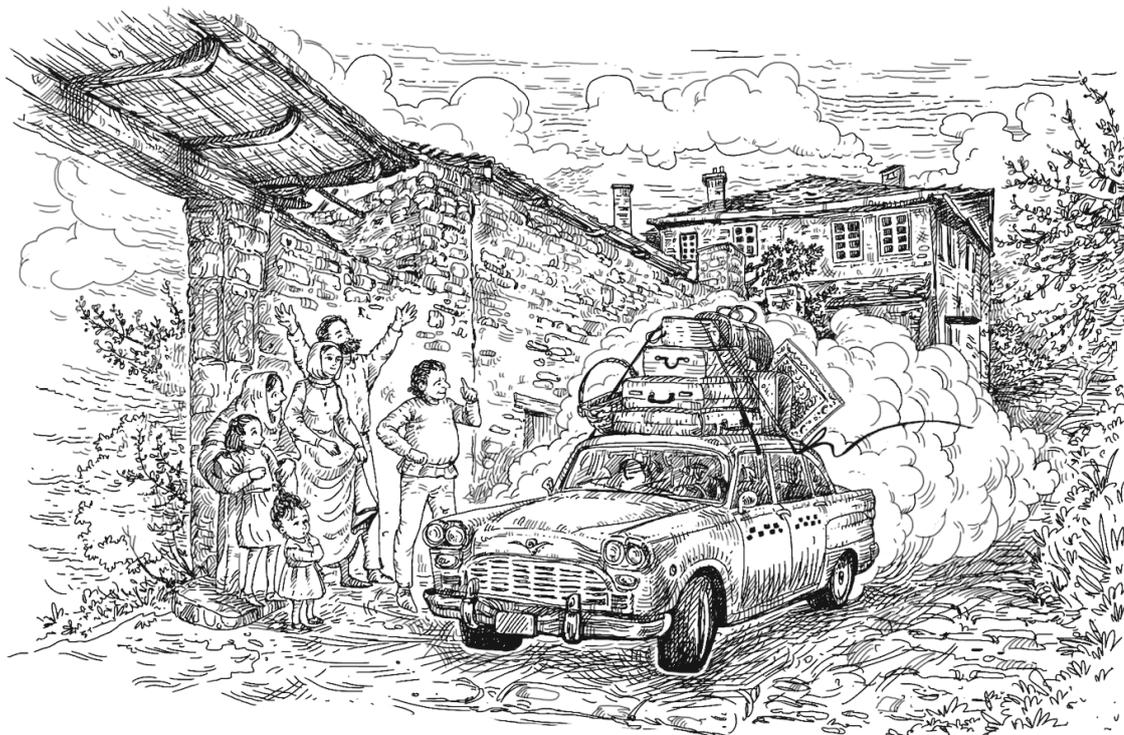
Разумеется, двести пятьдесят жителей деревушки Каланеро знали, что семейство Зябликов прибудет с минуты на минуту, и потому вся деревня пребывала в волнении и движении. Больше всех волновался Яни Паниоти, одноплеток и давний дружок юных англичан, с первой же встречи без памяти влюбившийся в Аманду и ставший ее преданным пажом. Его гибкое тело было смуглым от солнца, а движения ловкими, как у кошки. Из-под копны черных, словно уголь, и вьющихся, как стружка, волос парнишка смотрел на мир обезоруживающе невинным взглядом, но в его темных глазах угадывалось лукавство. Насвистывая от нетерпения, он помогал готовить виллу к прибытию гостей, а сердце его трепетало при мысли, что наконец-то появится Аманда.

Итак, выгоревшие на солнце ставни на окнах виллы были со страшным скрипом распахнуты настежь. Почтенная мамаша Агати и ее супруг, взявшие на себя уход за виллой, принялись выметать накопившуюся за зиму паутину и натирать белые деревянные полы. В это время Яни наблюдал за приведением в порядок главной террасы. Ее, как стратегически важный объект, следовало выскоблить тщательнее, чем все остальные помещения виллы.

Наконец настало утро, которого жители ждали с нетерпением. Это был день прибытия «Ионийской нимфы» – суденышка, бывшего для жителей Мелиссы единственной связью с Большой землей. Оно кренилось на правый борт, имело здоровенную пробоину в носу и грозило перевернуться в самую тихую погоду. Однако генерал-майор Зяблик любил на нем путешествовать. После каждого похода на этом утлом суденышке он чувствовал себя Магелланом или Дрейком, возвратившимся из полного приключений кругосветного плавания.

Но вот «Ионийская нимфа» благополучно пришвартовалась к причалу Мелиссы, и вскоре Яни Паниоти, забравшийся на самую высокую оливу, закричал своим односельчанам, что слышит чиханье мотора и видит густое облако дыма, – это единственное на Мелиссе такси мчалось семейство англичан к деревне Каланеро.

От имени всех жителей деревни Зябликов приветствовал мэра Нико Ишакис – бочкообразный мужчина с огромными, как у моржа, усами. Обливаясь потом, он клялся быть всегда к услугам дорогих гостей. Явился даже чудаковатый Простаки, чье круглое лицо неизменно украшала блаженная улыбка. По случаю праздника на его голове красовался старый котелок, подаренный ему генералом в прошлом году. Этот головной убор был для Простаки настоящим сокровищем, но еще драгоценнее был шегол, которого он всюду носил с собой в крошечной клеточке и к которому питал нескрываемую любовь.

Дары сыпались на гостей как из рога изобилия. Здесь были корзины, полные апельсинов и лимонов, узелки с яйцами, орехами и миндалем и, конечно же, целое море душистых цветов.

Яни казалось, что за минувший год Аманда необыкновенно похорошела. С волнением она бежала по деревне, обнимая и целуя всякого встречного; ее золотые волосы сияли на солнце, а голубые глаза блестели от восторга. Яни словно тень следовал за нею, и с его смуглого лица не сходила улыбка. Наконец все немного успокоились.

– Ну, как вам Каланеро? – поддразнивая, спросил Яни, когда вся компания, оставив позади шум деревни, шагала напрямиком к вилле.

– Как нам Каланеро? – улыбнулась Аманда, и ее глаза засияли на солнце, как сапфиры. – Да что тут говорить? Это наша деревня!

Когда приятели дошли до покрытых ржавчиной ворот виллы, восторженный энтузиазм Яни заметно уменьшился.

– Что ты такой скучный? – спросила Аманда. – Ты что, не рад, что мы здесь?

– Нет, что ты, я очень рад, – ответил Яни, – просто я волнуюсь.

– О чем?! – удивленно спросила Аманда.

– Это долго объяснять, – сказал Яни. – Встретимся сегодня вечером в оливковой роще. А пока до свидания, у меня еще есть работа.

– Ты хочешь рассказать нам что-нибудь интересное? – с любопытством спросила Аманда.

– Как раз нет, – сказал Яни. – Я хочу спросить у вас совета.

– Говори сейчас, что случилось, – потребовал Дэвид.

– Сейчас не могу. Только вечером, в оливковой роще, где нас никто не услышит, – ответил Яни и убежал назад в деревню.

К тому времени, когда брат и сестра добрались до виллы, миссис Зяблик и мамаша Агати дружными усилиями уже навели в ней живописный беспорядок.

Миссис Зяблик, как ни старалась, не смогла осилить более четырех-пяти слов по-гречески; немногим лучше были лингвистические способности у мамы Агати. И то, что они каким-то образом ухитрились объясняться на смешении двух языков, было похоже на чудо. Генерал тоже распаковал свои пожитки, и в первую очередь – краски и мольберт, который тут же занял свое законное место на террасе.

– Правда, здесь замечательные люди? – спросила Аманда, блаженно подставляя лицо солнышку.

– Они очень добры, – сказал генерал, вдохновенно и тщательно малюя очередной пейзаж с кипарисами.

– Папа, ты уже в сотый раз мажешь эту картину, может, хватит, а? – спросил Дэвид. – Попробуй написать хотя бы под другим углом. Все равно ведь тебе не удаются деревья.

– Если ты считаешь, Дэвид, что в мои почтенные годы я должен брать у тебя уроки живописи, буду тебе очень признателен, – ответил генерал, не прерывая творческого процесса.

– Ты бы лучше рисовал, как Пикассо, – с ехидцей вставила Аманда, – так, по крайней мере, никто не будет знать, что ты этого не умеешь.

– Ступала бы лучше да помогла мамочке, – невозмутимо ответил генерал, – иначе она так и не сумеет объяснить мамаше Агати, что нам нужно на завтрак.

Аманда шутя вздохнула и отправилась напрямик на кухню, где миссис Зяблик безуспешно пыталась втолковать мамаше Агати, что такое яичница. Однако мамаша Агати знала яйца только в двух видах: сырыми и сваренными вкрутую, когда их красят красным на Пасху.

– Бесполезно, мамочка, – нетерпеливо сказала Аманда. – Если уж не можешь выучить греческий, так хоть не ставь ее в неловкое положение – она же понятия не имеет, о чем речь.

– Милая, но ведь все знают, что такое яичница, – изумилась миссис Зяблик. – Когда я была девчонкой, нам ее каждый день готовили на завтрак.

– Мам, Яни подарил мне букет необычных розовых цветов, – сказала Аманда. – Они там, в комнате. Может быть, поставишь их в воду, а я тем временем займусь завтраком?

С удовольствием освободившись от тягостной задачи объяснять, что такое яичница, миссис Зяблик отправилась в соседнюю комнату посмотреть на очередное пополнение своей коллекции. Тем временем Аманда довольно ловко организовала завтрак, заказанный отцом.

Стол накрыли на террасе. Генерал, благоухающий скипидаром для разведения красок, занял законное место во главе стола и принялся поглощать яичницу, закусывая ломтями поджаренного черного хлеба с маслом и толстым слоем любимого мармелада, который он специально привез с собой.

– Ну, ребята, что вы собираетесь сегодня делать? – спросила миссис Зяблик.

– Я хочу на Остров Гесперид, – сказала Аманда.

– Нет, – твердо сказал Дэвид. – Мы же не можем плыть туда без Яни, а Яни сегодня работает.

– Но я так хочу поплавать, – сказала Аманда.

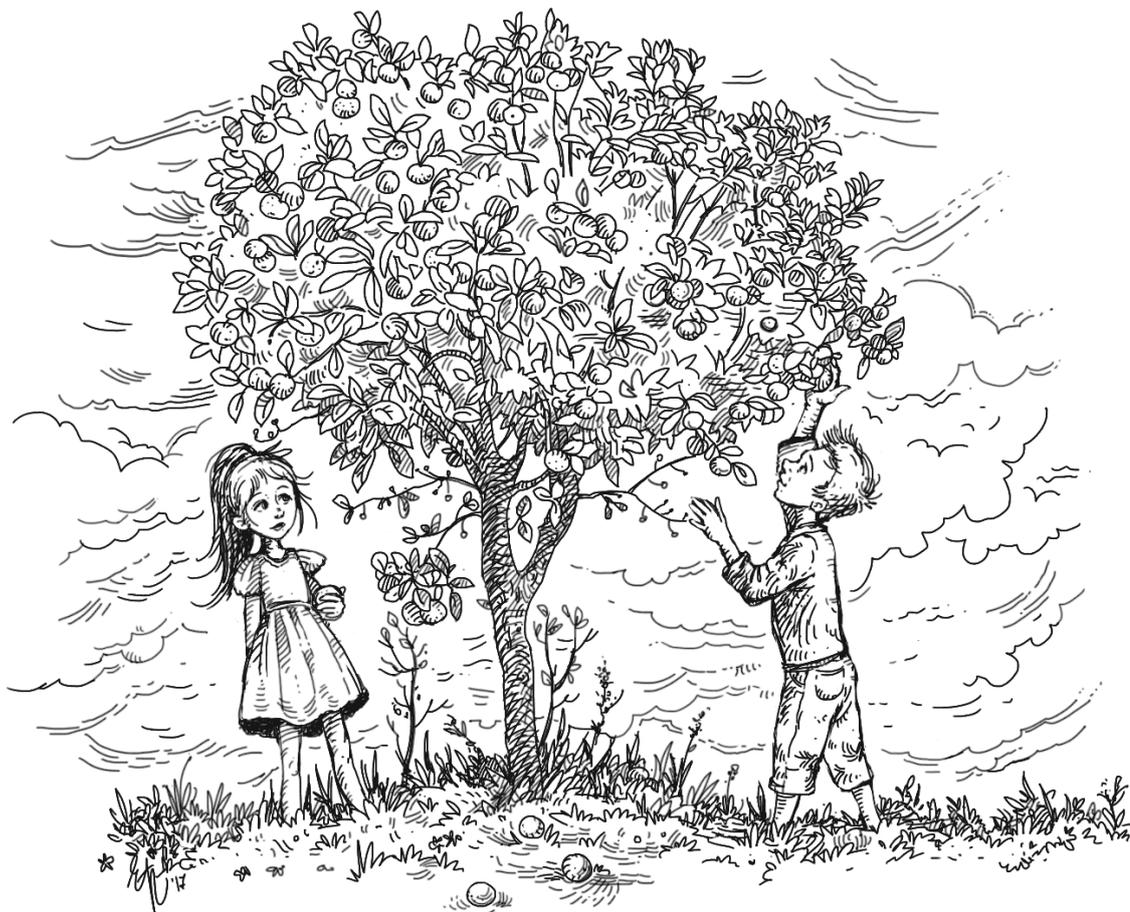
– А кто тебе не дает? Плавай сколько угодно, но на Остров Гесперид мы без Яни не поплывем.

Обычно последнее слово оставалось за Амандой, но сейчас ее младший брат был настроен столь решительно, что Аманда согласилась.

– Ну хорошо, – покорно сказала она.

Остров Гесперид был облюбован детьми еще в первое лето, которое они провели вместе на Мелиссе. Это был крошечный островок, расположенный недалеко от берега как раз напротив деревни. Он настолько зарос кипарисами, что со стороны смотрелся как покрытый мхом равнобедренный треугольник. На вершине зеленого холма имелась небольшая площадка с миниатюрной церковкой, какие довольно часто встречаются в Греции. При церкви был небольшой домик с двумя побеленными комнатами, где много лет жил одинокий монах. Старец давно умер, и, хотя архиепископ Мелиссы обращался в Афины с просьбой прислать нового, ответа не последовало. Через два года архиепископ решил, что его письмо затерялось где-то в пути, и думал было написать снова, да, видно, забыл. Так Остров Гесперид и остался совершенно пустынным. До него было легко добраться вплавь, и когда Аманда в первый раз вышла из воды на этот берег, то, стряхивая брызги со смуглого тела, увидела у нижних ступеней лестницы, ведущей к церкви, усыпанное плодами мандаринового дерева.

– Взгляни, Дэвид! – крикнула она, и ее голубые глаза стали почти черными от волнения. – Вот они, золотые яблоки!

Дэвид внимательно осмотрел дерево.

– Глупышка, разве это яблоки? Это же мандарины, – сказал он.

– Ничего, пусть будут золотыми яблоками, – ответила она, – назовем этот остров Островом Гесперид.

С тех пор и получил этот остров название – Остров Гесперид, и даже местные жители начали его так называть. А для наших трех героев это чудесное место стало излюбленным пристанищем.

– Так вы туда на целый день, моя крошка? – спросила миссис Зяблик. – Я собрала бы вам сумку с едой для пикника.

– На целый день, – ответила Аманда, – но не беспокойся, быстрее будет, если я соберу ее сама.

– Замечательно, золотко, – вздохнула с облегчением миссис Зяблик, – а то мне еще надо засушить столько цветов, которые мне принесли местные жители, а папочке хочется порисовать.

– Да-да, – с удовлетворением сказал генерал. Повернувшись на вращающемся стульчике, он вставил в глаз монокль и залюбовался своей мазней – он явно был весьма польщен. – Я закончу ее на закате.

– Ну, пошли, Дэвид, – заторопила брата Аманда, – я уже соскучилась по морю.

Девочка отправилась в кухню и проворно наполнила небольшую сумку всякими вкусными вещами для себя и для брата. Ей не нужно было брать воду для питья, потому что возле пляжа, где они собрались блаженно провести время, был источник. Его хрустальная струя рассыпалась искрами на фоне красно-желтых скал и терялась среди голубых вод небольшой бухты.

Аманда и Дэвид прошагали с полмили, спускаясь к пляжу. Могло бы показаться странным, но при всей преданности друг другу брат и сестра почти никогда не разговаривали, будучи наедине. Иное дело в компании с Яни – как тут не поболтать! А сейчас брат и сестра медленно шли рядом, занятые каждый своими мыслями. Аманда высматривала диковинные цветы, чтобы на обратном пути собрать их для маминой коллекции. Дэвид наблюдал за вездесущими голубыми и коричневыми ящерицами, выскакивающими из-под сандалий, и сообщал: сколько их нужно было бы запрячь, чтобы сдвинуть с места повозку? Наконец, дойдя до моря, Аманда и Дэвид сложили свои сумки на песке и, сбросив одежду, нырнули в синюю благодатную воду.

День открытия сезона на Мелиссе принес каждому из ребят свои радости. Дэвид нашел притаившегося под камнем осьминожка, и оба позабавились тем, что дразнили его палочкой. Бедняжка до того злился, что становился то розовато-голубым, то ярко-зеленым и в конце концов нырнул в глубину, оставив позади себя чернильное пятно, которое медленно растворилось в неподвижной воде. Аманда нашла диковинную оливковую ветку, отполированную морскими волнами и выбеленную солнцем.

– Интересно, – задумчиво спросила она брата, – почему все, что сотворено природой, выглядит красиво, а когда папочка пытается изобразить сотворенное природой дерево, получается такое безобразие?

– Да потому, что папочка не умеет творить так же хорошо, как природа, – очень серьезно ответил Дэвид.

Дети на мгновение взглянули друг на друга и вдруг повалились на песок от безудержного хохота. Вдоволь натешившись остроумной шуткой, они еще немного полежали на солнце, затем опустошили припасенную Амандой сумку, еще немного поплавали и снова растянулись на солнце.

– Дэвид, нам сегодня нужно встретиться с Яни, – вспомнила Аманда, неожиданно вскочив.

– Он сказал, в котором часу? – сквозь дрему спросил Дэвид.

– Нет, – сказала Аманда, – но думаю, что приблизительно тогда, когда засветятся светлячки.

– Тогда пора возвращаться, – проговорил Дэвид, шурясь на солнце.

Дети медленно отправились в обратный путь, чувствуя, как высыхает соль на слегка обожженной коже. Пока они шли, Аманда успела собрать большой букет цветов для мамы, а Дэвид подсчитал как мог, сколько же ящериц нужно впрячь в повозку, чтобы стронуть ее с места: получилось шесть миллионов восемьсот сорок две тысячи. Правда, он сам себе признавался, что ответ мог оказаться неточным: Дэвид не имел представления о тягловой силе одной ящерицы и запомнил, что надо поймать одну и провести эксперимент.

– А, это вы, – сказала миссис Зяблик. – А я уже собралась идти искать вас.

Ей как-то не пришло в голову, что в поисках дражайших крошек пришлось бы обойти всю Мелиссу, так как она понятия не имела о том, куда они ушли.

– Какие прелестные цветы, милая. Спасибо большое! А знаешь, и я не напрасно потратила время. Я нашла три редких вида прямо у нас под террасой.

– А что у вас было на обед? – заинтересовалась Аманда.

– На обед?! – недоуменно переспросила миссис Зяблик. – Да так, кое-что.

– Так, может, вы вообще не обедали? – настаивала Аманда.

– Да не помню, моя хорошая, – сокрушенно сказала миссис Зяблик. – Спроси у папы.

Тем временем генерал накладывал последние ядовитые мазки заката позади кое-как намалеванных кипарисов.

– Папа, что тебе мама давала на обед? – спросила Аманда.

– А, это ты, лапочка, – проговорил генерал, отступив на шаг от мольберта и устремив свой монокль на холст. – Ну, что ты об этом думаешь? Ведь сильно?

– И даже более чем сильно, – съязвила Аманда. – Так ты не ответил на вопрос: вы с мамой вообще обедали?

– Да-да, – вмешался Дэвид. – Я справлялся у Агати.

– Вот и прекрасно, – сказал генерал и опрокинул бутылку скипидару. – А вы, надеюсь, хорошо провели время?

– И даже очень, – ответила Аманда, хотя отец, кажется, ее не услышал. Глянув вниз на оливковую рощу, она увидела первые зеленые мигающие огни светлячков.

Глава третья

Коварство мэра

Когда брат и сестра пришли в оливковую рощу, было уже почти темно и даже слышались ночные крики сов.

– Интересно, что нам хочет сообщить Яни? – гадала Аманда.

– Наверное, что-нибудь о своем отце, – сказал Дэвид.

– Но ведь его отец умер в прошлом году.

– Может быть, о чем-нибудь, связанном с его отцом, – настаивал Дэвид.

Они все углублялись в темную оливковую рощу, но Яни нигде не было видно, и брат с сестрой, удивленно переглянувшись, осмотрелись вокруг.

– Как ты думаешь, где он? – забеспокоилась Аманда.

– Да надеюсь, скоро появится, – ответил Дэвид.

В этот момент что-то зашуршало в ветвях гигантской оливы, и Яни спрыгнул оттуда, как мартышка.

– Тссс! – прошипел он. – Это я, ле-е-ш-ш-ий!

Он улыбнулся, увидев, как здорово их напугал, и протянул Аманде руки:

– Погляди, я принес тебе подарок.

Аманда повернулась, и Яни рассыпал по ее золотым волосам две пригоршни светлячков, засверкавших, как изумруды.

– Ну и смешной же ты, Яни, – сказала Аманда, отряхивая волосы. – Ой, да они живые!

– Так оставь их, пусть горят у тебя в волосах, – попросил Яни. – Ты такая красивая...

– Там кто-то притаился за деревом! – вскрикнул Дэвид.

Яни быстро оглянулся.

– А, да это всего-навсего лишь Простаки, – сказал он и позвал мальчика. Тот вышел из темноты, снял котелок и поклонился Аманде, поставил на землю клеточку со своим драгоценным щеглом и, счастливый, уселся на корточки рядом с детьми.

– Так что ты хотел нам сообщить? – в нетерпении спросила Аманда.

– Это касается моего отца, – начал Яни.

– Ну, что я говорил? – Дэвид торжествующе посмотрел на сестру. – Как в воду глядел!

– Тише, – нетерпеливо сказала Аманда. – Дай человеку высказаться.

– Дело вот в чем, – объяснил Яни. – Оказывается, мой отец взял взаймы у Нико Ишакиса восемнадцать тысяч драхм, а я узнал об этом только после его смерти.

– Как у Ишакиса? У этой лицемерной жирной бочки? – ужаснулась Аманда. – Да от него вообще лучше держаться подальше!

– Так-то так, но он самый богатый человек в деревне, и он один смог одолжить отцу такую сумму, – сказал Яни. – После смерти отец оставил мне виноградник, клочок поля и маленький домик, в котором мы жили. Это все, что у меня есть. Я обрабатывал землю и ухаживал за виноградником, и мне помогал Простаки. Это хоть и не приносит особого дохода, но на жизнь хватает. И вот мэр требует отдать ему восемнадцать тысяч драхм, иначе грозит отобрать и виноградник, и поле, и домик в уплату долга. А где мне взять восемнадцать тысяч драхм? У меня есть двоюродный брат в Афинах, и я написал ему, но он сам беден да к тому же болен. Так что, если ничего не удастся придумать, я окажусь на улице.

Чем дальше Аманда слушала рассказ Яни, тем больше злилась; когда же рассказ подошел к концу, она просто взорвалась.

– Ах эта наглая толстая жаба, – гневно воскликнула она, – старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью! В жизни не видала более низкой твари! Давайте подожжем его дом! Будет знать!

– Не болтай глупостей, – остановил ее Дэвид. – И не надо выходить из себя. Давайте обдумаем все спокойно.

– А что, – взволнованно сказала Аманда, – если попросить денег у отца?

– Держи карман шире, – махнул рукой Дэвид. – Вспомни его любимую фразу: берешь чужие, а отдавать придется свои.

– Но, может быть, он сделает это для Яни, – предположила Аманда. – Ведь Яни наш друг.

– Не думаю, – горестно проговорил Дэвид. – Если уж он мне не дает ни гроша, то с чего это он даст денег постороннему человеку?

– Надо что-нибудь придумать, – сказала Аманда.

– Вот именно. Давайте помолчим и подумаем, – согласился Дэвид.

Ребята сели поближе, любовались светлячками, горевшими в волосах Аманды, и сообщали, что же предпринять.

– Значит, так, – врасстяжку произнес Дэвид, – надо как-то заставить мэра дать Яни отсрочку.

– Правильно, – сказала Аманда, – но что с ним можно сделать?

– Можно как-нибудь припугнуть.

– Но чем можно припугнуть самого богатого человека в деревне?

– Нужно вспомнить, чем он дорожит.

– А давайте похитим его жену! – внезапно воскликнула Аманда.

– Как это – по-хи-тим?! – удивился Яни.

– Она имеет в виду: поймаем, запрем где-нибудь и станем требовать выкуп, – объяснил Дэвид. – По-моему, дурацкая затея.

– Слушай, Дэвид, ты пока вообще ничего не предложил, – запротестовала Аманда, – и я не понимаю, почему ты считаешь идею глупой.

– Я тоже боюсь, что не сработает, – горестно сказал Яни. – Во-первых, она чудовищно толстая и мы просто не сможем унести ее. Во-вторых, я думаю, что мэр будет только рад от нее избавиться. Представьте себе, что будет, если мы похитим жену мэра, а он ее обратно не захочет – что с ней тогда делать? Она ведь ест больше, чем все остальные жители деревни, вместе взятые.

– Да, и главное, похищение людей – это нарушение закона, – заявил Дэвид.

– Кстати, – не сдавалась Аманда, – а являются ли законными действия мэра по отношению к Яни?

– В том-то и вся штука, – вздохнул Дэвид, – это называется изъятием имущества за долги и вполне в рамках закона.

– Вот это да, – протянула Аманда, удивляясь, насколько ее брат подкован в юриспруденции, – но я все равно не понимаю, почему мы не можем похитить жену мэра. В конце концов, здесь же никто не следит за соблюдением закона.

– Ты забыла Менелуса Простафили, – напомнил Дэвид.

На это Аманда залилась смехом, к которому присоединился и Яни. Вся деревня знала, что Менелус Простафили был слишком мягкосердечным полисменом, чтобы кого-то арестовать. К тому же в течение многих лет он упражнялся лишь в одном искусстве – плевать в потолок, так что заставить его вылезти из постели могло бы только особо дерзкое нарушение закона.

– Да уж. Если он – единственный страж закона, которого нам следует опасаться, – смеялась Аманда, – то мы можем спокойно похитить всю деревню.

– Правильно, но с женой мэра будет больше возни, чем со всей остальной деревней! – грустно сказал Дэвид.

– Ты прав, – согласилась с ним Аманда. – Давай посоветуемся с отцом.

– Ты что? Он же нам все испортит.

– Балбес, я не собираюсь говорить ему об этом прямо. Можно намеками выяснить его взгляды.

– Не представляю, как ты это сможешь сделать, не объясняя ничего, – пожал плечами Дэвид.

– Оставь это мне, – уверенно заявила Аманда. – Я тоньше разбираюсь в этих вещах, чем ты. А сейчас пойдемте-ка ужинать. Как ты, Яни, смотришь на то, чтобы завтра поплыть с нами на Остров Гесперид и обсудить там детали? А я тем временем выясню позицию нашего папаша.

– Прекрасно, – сказал Яни, прощаясь. – Значит, встречаемся завтра утром на пляже.

Дети отправились домой, горячо обсуждая тему похищения. Когда они пришли, на террасе уже горели медные керосиновые лампы и окна были озарены золотым светом. Там уже был накрыт стол к ужину.

– Ах, это вы, мои крошки, – сказала миссис Зяблик. – А я как раз собиралась вас искать, потому что Агати приготовила ужин. Во всяком случае, думаю, что приготовила, потому что папочка не захотел пойти в кухню и спросить у нее.

– При наличии двух женщин в семье, – пробурчал генерал, попыхивая трубкой, – почему именно я должен идти в кухню и вдаваться в хозяйственные подробности?

– Правильно, папочка, – сладко улыбнулась Аманда. – Сиди-сиди, я сейчас сбегая и все выясню.

– И-ди-отка, – прошипел Дэвид, проследовав за ней на кухню.

– Ты чего это? – удивилась Аманда.

– Корчишь из себя пай-девочку, – сказал Дэвид, – если слишком войдешь в роль, он заподозрит неладное.

– Ничего не случится, вот увидишь, – сказала Аманда.

Затем все уселись за накрытый стол, и некоторое время семейство ужинало в полном молчании.

– Ты всласть порисовал сегодня, милый? – спросила наконец своего супруга миссис Зяблик. Она давно оставила надежду, что ее благоверный когда-нибудь станет настоящим художником, и относилась к его творчеству как к мании.

– О, у меня сегодня новый шедевр, – ответил ей генерал. – А кстати, жаркое удалось!

– Спасибо, родненький, – сказала тронутая миссис Зяблик, хотя сама она не принимала участия не то что в готовке, но и в заказе ужина.

– Скажи, папочка, – спросила вдруг Аманда, – если бы ты писал картины, как Рембрандт, что бы ты делал?

– О-о, я был бы счастлив, – сказал генерал.

– Я имею в виду – если бы ты внезапно открыл в себе талант Рембрандта, стал бы ты продавать свои работы?

– Пожалуй, – ответил удивленный генерал.

– И если бы у тебя весь чердак был набит шедеврами на уровне кисти Рембрандта, как бы ты их подписывал? – спросила Аманда.

Дэвид, обеспокоенный таким странным подходом сестры к животрепещущей проблеме, ерзал на стуле.

– Ну, выдавать их за подлинного Р-рембранд-та, – подумав, сказал генерал, – было бы н-незаконно, так что мне пришлось бы продавать их под моим собственным именем. Н-ну, можно, конечно, придумать себе псев-до-ним – вот, например... Рембранд-хлыст... Нет, не годится... Рем-бранд-мейстер? Ближе к делу... Ага! Вот! Рембранд-майор! Обер-унтер-Рем-бранд-генерал-майор! А, какво! А если бы я продавал их как подлинного Рембрандта, это было бы мошенничеством.

– Папа, скажи, – снова спросила Аманда, – почему одни действия считаются преступлениями, а другие нет?

– Видишь ли, милая, над этой проблемой веками бьются философы и религиозные конфессии, а ты хочешь, чтобы я сейчас, с куском жаркого во рту, дал тебе скорый и точный ответ!

– Ну, папа, – настаивала Аманда, – действия, которые причиняют людям боль, понятное дело, относятся к преступлениям; но скажи, почему преступлениями иногда называются деяния, которые вовсе не обязательно причиняют людям боль?

– Девочка моя, – обреченно сказал генерал, – ты порою говоришь так же непонятно, как и твоя мать.

– Ну... – сказала Аманда, в раздумье подняв руку с вилкой, – например... Если ты будешь продавать свои шедевры как подлинного Рембрандта, ты же никому не причинишь страданий, и тем не менее это будет преступление. Или... возьмем похищение человека. Предположим, при этом ему никто не причинил вреда. Будешь ли ты считать, что это преступление?

Генерал сунул в рот огромный кусок мяса и стал медленно жевать, чтобы было больше времени обдумать ответ.

– По моему глубочайшему убеждению, – сказал он наконец, – похищение человека – самое тяжкое преступление после убийства, истязаний и голосования за партию лейбористов.

Дэвид с самодовольным видом взглянул на сестру.

– Однако, – заинтересовался генерал, отодвинув стул от стола и достав из кармана трубку, – чем вызван этот внезапный интерес к самым недобрым деяниям рода человеческого? Надеюсь, вы не собираетесь заниматься ночным похищением котов?

– Конечно нет, – успокоила его дочь, – мы только хотели выяснить. Ты же сам говорил, чтобы в случае сомнений мы обращались к тебе.

– Беда в том, – объяснил генерал, – что после этих расспросов меня тоже начинают охватывать сомнения.

Выкурив трубку, он принялся в быстром темпе выбивать алюминиевой ногой сложный ритм.

– Генри, милый, может, не надо? – с надеждой спросила миссис Зяблик.

– Это боевой ритм племени ваггуси, – объяснил генерал, – его играют всегда, когда готовятся к войне.

– Все это интересно, – с сомнением сказала миссис Зяблик, – но почему за столом? Ты подаешь детям дурной пример!

– Абсолютно не вижу связи, – сказал генерал. – По-моему, никто из них не курит и ни у кого из них нет алюминиевой ноги.

– Да, но когда я была девочкой, – настаивала миссис Зяблик, – джентльмены не выделяли за столом подобных штучек.

– А вот я, – твердо сказал генерал, – не джентльмен. С тех пор как ты вышла за меня замуж, ты провела двадцать бесплодных лет в попытках сделать меня лучше. Может, откажешься наконец от сизифова труда, а?

Дети незаметно отправились спать, оставив своих родителей за дружеской словесной перепалкой.

– Говорил я тебе, похищение не дело, – сказал Дэвид, когда они взбирались по скрипучей деревянной лестнице, разохшейся за множество лет.

– Все равно надо что-то предпринять, – твердо сказала Аманда, – мы просто обязаны решить эту проблему. Нельзя допустить, чтобы этот жирный боров отнял у Яни землю. В конце концов, у него всего два акра. Как он с них кормится, непонятно.

– Согласен, что надо действовать, – сказал Дэвид, – но, если дело сорвется, мы только навредим Яни.

– Что касается меня, – проговорила Аманда с большим достоинством, – то я предлагаю отложить раздумья на утро. Утро вечера мудренее.

Величественно, как принцесса, она внесла к себе в спальню керосиновую лампу и закрыла за собой дверь.

– Не завидую тому, кто возьмет тебя замуж! – крикнул ей вслед Дэвид, направляясь к себе в спальню. Аманда открыла дверь.

– Не думаю, что ты вообще найдешь ту, которая захочет за тебя замуж, – ответила она и закрыла дверь. Дэвид попытался найти реплику поязвительнее, но не смог. Он лег в постель и занялся пересчетом, сколько же потребуется ящериц, чтобы стронуть с места повозку.

На следующее утро ребята встретились с Яни на золотом пляже и вместе медленно поплыли к Острову Гесперид. Они поминутно ныряли, чтобы рассмотреть под водой странную рыбу или черного морского ежа, свернувшегося, словно обычный земной еж. Приплыв на остров, они стали взбираться по нагретым солнцем ступеням, и их мокрые следы тотчас же высыхали. Поднявшись до террасы, они разлеглись вокруг небольшого колодца и снова заговорили о насущных проблемах.

– Папа сказал, – начала Аманда, – что похищение людей – очень тяжкое преступление, и, значит, мы не можем похитить жену мэра.

– Я рад, – улыбнулся Яни. – Представляю себе, как тяжело ее тащить. Ведь она лопает, как три поросенка!

– Слушайте, – сказал Дэвид, – этой ночью я подумал, что Ишакис порядком надоел всей деревне. Правда ведь?

– Да, – подтвердил Яни, – он всем надоел, но он мэр уже четыре года, и с этим приходится считаться.

– Так вот, – продолжал Дэвид. – Надо как-нибудь настроить всю деревню против него. Это его образумит.

– Да, но как это сделать? – грустно протянул Яни.

Дети лежали, перебирая идеи. Вдруг Яни вскочил на ноги и, улыбувшись, наклонился к Аманде. Успевшая немного загореть, сейчас она казалась еще прекраснее, чем прежде. Ее тело и волосы золотились на солнце.

– Хочешь пить? – спросил он.

– Откуда?

– Из колодца, – лукаво ответил Яни, и глаза его искрились от смеха.

– Как из колодца? Чтоб я подхватила тиф? – недоверчиво переспросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.